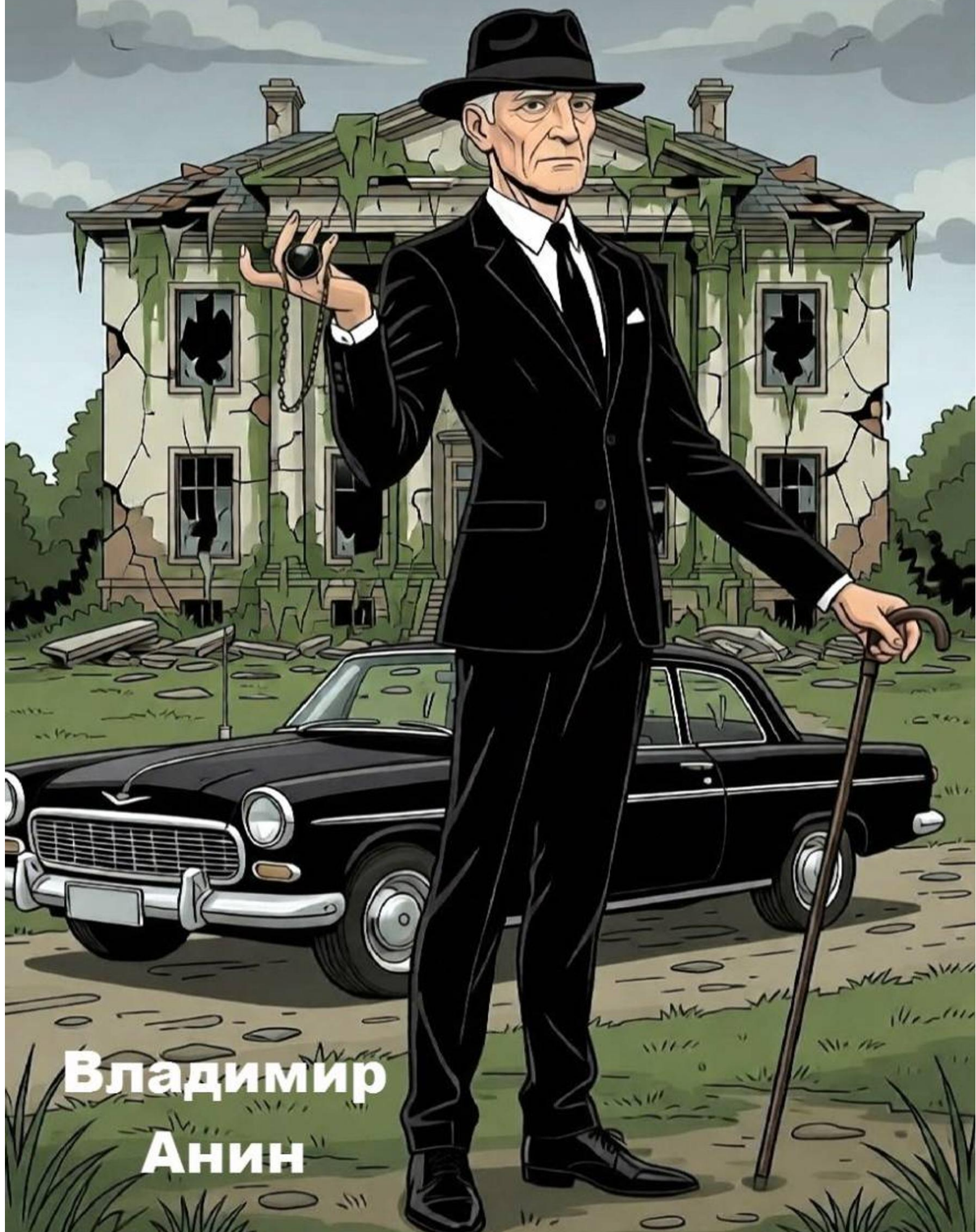

МОНОКЛЬ

**Владимир
Анин**

Владимир Анин

Монокль

«Автор»

2008

Анин В.

Монокль / В. Анин — «Автор», 2008

ISBN 978-5-532-99606-9

Что чувствует человек, получивший возможность видеть истинную сущность окружающих его людей, в особенности если эта сущность, как правило, ужасная? А если такую способность обретает обыкновенный школьник? Повесть "Монокль" была впервые опубликована в альманахе "Мир "Искателя" в 2009 году.

ISBN 978-5-532-99606-9

© Анин В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Монокль

Глава 1

В класс залетел воробей. Стояла теплая ранняя осень, и фрамуги на окнах были открыты. Глупая птица, видимо, задумалась о чем-то, если, конечно, она способна думать, или просто плохо видела, или даже была пьяна. А почему бы нет? Чижик ведьпил водку на Фонтанке. Может, и этот воробей наакался чего-нибудь, а теперь, будучи подшофе, влетел в приветливо открытую фрамугу и со всего размаху угодил прямо в Льва Николаевича. То есть, в Толстого. Не самого, конечно, а в его портрет. Отскочив, словно теннисный мячик, воробей на мгновение замер, уставился на того, кого он только что так бесцеремонно боднул, и, видимо, не выдержав сурового взгляда классика, отчаянно метнулся назад к окну. Встретив на пути препятствие в виде стекла, воробей опешил и, уже ничего не соображая, стал метаться по классу как ошпаренный.

Что тут началось! Дети... Нет, конечно, уже не дети. Кто из них позволит называть себя ребенком? В девятом классе они уже подростки, хотя им больше нравится называть себя тинэйджерами. Не юношами и девушками, а именно этим забавным словечком, пришедшим к нам из-за океана вместе с голливудским кино и глянцевыми журналами. Благодаря подрастающему поколению этот сочный термин быстро внедрился в молодежный, а потом уже и в общий лексикон на правах полноценного заимствованного слова. И пусть оно еще не попало в словари, по крайней мере наиболее распространенные, вряд ли сейчас можно встретить человека, даже преклонного возраста, который не знает, что такое тинэйджер. Во всяком случае, в крупных городах. Тем не менее «подросток» все же звучит роднее, и Лев Николаевич наверняка бы одобрил использование именно этого слова.

Итак, подростки тут же вскочили с мест, радуясь внезапно появившейся возможности отвлечься от скучных учебников и надоевших тетрадей. Девчонки завизжали, мальчишки заулюлюкали. Кто-то сразу полез на парту, отчаянно размахивая руками. Бедная птица мгновенно растеряла остатки своих скудных воробьиных мыслей. Да и какие тут могут быть мысли? При виде трех десятков совершенно очумевших двуногих существ воробья охватил такой ужас, что он зажмурился и начал тупо кружить по одной и той же траектории.

Дверь приоткрылась, и в класс вошел Олег Кукин. Маленького роста, худой, с бледным лицом и слегка затуманенным взглядом, он посмотрел наверх, приложив козырьком ко лбу ладонь с пожелтевшими от чрезмерного курения пальцами. Десять минут назад Олег отпросился в туалет, где заодно не преминул выкурить очередную сигарету, несмотря на то что в школе существует строжайший запрет на курение. Но для таких людей, как Олег, любые правила придумываются исключительно с одной целью – чтобы их нарушать. Что он постоянно и демонстрировал, весьма наглядно и бесцеремонно.

Быстро оценив обстановку, Олег громко свистнул, чем заставил весь класс на мгновение отвлечься от отчаянно кружащего воробья, которого, казалось, сейчас уже стошнит. Воспользовавшись заминкой, Олег буквально вспорхнул на парту и, раскрутив, будто пращу, полупустой рюкзак, успел слегка задеть пролетающую мимо птицу. Легкий толчок рюкзаком придал нужное направление, и воробей, перекувырнувшись два раза через голову, благополучно вылетел в открытую фрамугу. Вздох облегчения пронесся по рядам, а через мгновение наступившую тишину разорвал шквал аплодисментов.

Оксана Филипповна, учитель русского языка и литературы, женщина не молодая, но и не старая, с прибранными в объемный пучок белыми крашеными волосами, все это время стояла, испуганно прижавшись к доске. Толстые стекла больших круглых очков запотели от напряжения, а лицо, ставшее поначалу бледным, покрылось яркими красными пятнами. После того

как Олег таким не совсем обычным способом вызволил птичку из неожиданного заточения, Оксана Филипповна машинально поправила прическу, одернула и без того длинную юбку и села за учительский стол. Однако, бросив взгляд на лежавший перед ней раскрытый классный журнал, она вскрикнула и вновь подскочила. Конечно, бедный воробей не виноват – он просто был очень напуган. А со страху мало ли что может приключиться! Вот и с ним оказия случилась. Видимо, пролетая в очередной раз над учительским столом, не удержался и оставил о себе память в виде бело-серой кляксы, аккурат посередине страницы журнала, той самой, где Оксана Филипповна намеревалась записать тему урока.

Она еще некоторое время смотрела на это безобразие, состроив брезгливую гримасу и отчаянно моргая кажущимися из-за очков еще более длинными ресницами, но потом резко захлопнула журнал и окинула суровым взглядом вмиг притихший класс.

– Всем сесть на место! – скомандовала Оксана Филипповна. – Кукин, – обратилась она к Олегу, – ты где так долго пропадаешь?

– Ну, Оксана Филипповна, – скривился Олег, поднимаясь, – я что, при всех должен рассказывать?

– Подойди-ка сюда! Дыхни! Та-ак! Курил?

– Нет, – не моргнув, соврал Олег.

– Ты что, будешь мне голову морочить?! – взвилась Оксана Филипповна. – Ты за кого меня принимаешь? – Она негодуяще топнула ногой. – Это тебе не цирк-шапито, а я не клоун! Если тебе нравится разыгрывать из себя шута горохового, пожалуйста, но здесь ты этим безобразием заниматься не будешь! Вон из класса! Отправляйся к завучу! И без допуска к урокам можешь не появляться.

Дождавшись, пока Олег не спеша покинет кабинет, учительница с облегчением выдохнула и вновь обратилась к классу:

– Итак, тема сегодняшнего урока...

На следующий день Олег как ни в чем не бывало появился в школе, причем к самому началу занятий, что случалось с ним довольно редко. Первым был урок русского языка. Оксана Филипповна благополучно успела забыть о вчерашнем инциденте и о том, что отправила Олега к завучу. Она лишь отметила про себя, что сегодня этот сорванец, как ни странно, явился на урок без опоздания.

Когда на перемене Глеб Семенов забежал в туалет исключительно для того, чтобы воспользоваться этим заведением по прямому назначению, он натолкнулся на Олега, беспечно потягивающего сигарету в крайней кабинке, у окна. Его несколько не смущало, что убогая вентиляция не справляется с дымом и тот благополучно проникает сквозь дверь в коридор. Рано или поздно, кто-нибудь из учителей унюхает запах табака, и тогда мало не покажется.

– Глюк, ты бы хоть окно открыл, – сказал Глеб.

– Тебе надо, ты и открывай, – буркнул Олег, который уже давно отзывался на прозвище «Глюк», поскольку курил чуть ли не с первого класса и вид имел соответствующий.

Глеб помедлил немного и все же распахнул окно. Свежий ветерок весело ворвался в помещение и разметал висевшие в воздухе клубы сизого дыма.

– О, Батон, ты что, куришь? – удивленно спросил Илья Пятаков, по прозвищу Пятак, протаскивая свое объемное тело между заболтавшимися у входа в туалет восьмиклассниками.

Глеба прозвали «Батоном» еще в детском саду. Виной тому было его необычное имя, которое у детей неизменно ассоциировалось с хлебом, что вполне объяснимо с фонетической точки зрения, и поначалу все называли его «Хлеб», причем многие малыши искренне верили, что это и есть его настоящее имя. Позже «Хлеб» постепенно превратился в «Батон».

– Что я, дурак, что ли? – фыркнул Глеб, застегивая ширинку.

– А, это Глюк, – сообразил Илья.

– Тоже хочешь дернуть? – насмешливо прохрипел из угла Олег.

– Нет уж, спасибочки, дергай сам.

– Не хочешь, как хочешь. Цыпа, а ты не желаешь? – выглядывая из-за перегородки, спросил Олег только что присоединившегося к ним Яшу Цыпкина.

– Цыпа тоже не курит, забыл? – ответил за Яшу Глеб.

– А ты чего лезешь? Я тебя, что ли, спрашиваю? «Не курит», – передразнил Глюк и, громко харкнув, сплюнул мимо унитаза. – Может, раньше Цыпа не курил, а сегодня, может, уже и курит.

– С какого перепугу?

– А с такого! Возьми, к примеру, меня. Вчера я был один, а сегодня уже другой. Вчера всякая зараза могла до меня докопаться, а сегодня мне все по фигу.

– Интересно! – откликнулся Илья. – И что же такое произошло?

– Цыпа, дверь прикрой, – произнес Олег заговорщическим тоном и взгромоздился на подоконник.

Яша закрыл дверь, соединяющую умывальник с туалетом, и на всякий случай крепко взялся за ручку, чтобы никто не смог неожиданно к ним ворваться. В туалетной комнате остались пятеро: Глеб, Илья, Яша, Олег и Андрей, по прозвищу Слон, которое он получил не за какие-то невероятные размеры или могучую силу, он, напротив, был очень худым, хотя и довольно крепким. Зато форма его ушей с первого же класса гарантировала ему это сравнение с африканским экзотическим животным.

– Ладно, давай колись, что там у тебя, – сказал Глеб, зная непреодолимую тягу Олега к всякого рода авантюрам и потому горя нетерпением в предвкушении чего-то особенного.

Олег щелчком отправил бычок в открытое окно и смачно сплюнул вслед. Затем, выдержав паузу и снисходительно посмотрев на окружающих, стал медленно расстегивать висевший на плече рюкзак.

Восторженный вздох вырвался из груди собравшихся, когда из рюкзака показалось дуло настоящего револьвера.

– Где откопал? – прошептал Илья.

– Вот именно – откопал! – торжествуя глядя на обалдевших одноклассников, ответил Олег.

Яша не выдержал и, забыв о мерах предосторожности, оставил свой пост.

– Дайте глянуть-то. Ух ты! Это что, настоящий?

– А то! – гордо отвечал Олег. – Я его вчера весь вечер драил – ржавый был, еле отскреб. Зато теперь почти как нулевой. Рукоятка только маленько сломана, а механизм – рабочий, я его машинным маслом смазал.

В подтверждение своих слов Олег несколько раз пощелкал, нажимая на курок.

– Смотри, даже барабан крутится! – воскликнул Слон.

– Еще как крутится, – подтвердил Олег. – Завтра мне пацаны обещали патронов достать, можно будет пострелять... Бах! – неожиданно крикнул он, направив револьвер на Илью.

– Ты поосторожней! – отпрянул Илья, отводя пальцем дуло в сторону.

– А чего сразу на меня? – взвизгнул Слон, отскакивая вбок.

– Э, харэ шутить, Глюк, – сказал Глеб. – Ты лучше расскажи, где нашел.

– Слушай, Батон, чего ты докапываешься? Мало ли где! Может, это секрет! – изобразил негодование Слон, явно стараясь подыграть Олегу, чтобы заслужить его расположение и тем самым право на «пострелять».

– Да нет, мужики, – снисходительным тоном, слегка растягивая слова, отвечал Олег, – никакой это не секрет. Короче, когда Оксана меня вчера из класса турнула, я решил прошвырнуться маленько. Ну не домой же переться. Мать дома была, она бы мне таких наваляла! В общем, двинул я в Узкое.

– В Узкое?! – воскликнул Яша.

На первый взгляд, в этом не было ничего странного. За исключением одной маленькой детали. Узкое – старинная усадьба с просторным парком на юго-западе Москвы, зажатая между тремя спальными районами: Коньково, Ясенево и Теплым Станом, – было местом, о котором все знали, ибо располагалось оно совсем рядом, но никто почему-то там не бывал. Будто усадьба обладала особым свойством отталкивать от себя подростков. Если подойти к арке, что выходит на Профсоюзную улицу и согласно справочнику именуется «Небесными воротами», можно увидеть много людей, гуляющих по главной аллее парка. Но стоит приглядеться, и поймешь, что среди них нет ни одного школьника.

– Ну да, в Узкое, – кивнул Олег. – Сперва хотел в музей залезть, в этот... как его... в общем, где динозавры. Но там народу немерено. Короче, ловить нечего. А за музеем – лес, красота! И какого, думаю, я там ни разу не был? Значит, надо разведать. Там же усадьба старинная. Вот я и решил, может, там чего-нибудь интересное сопру. Только ноги почему-то не идут – стою как дурак, будто приклеенный. И вдруг – фигак, ноги сами потопали. А тут еще мужик какой-то чудной из-за деревьев вышел и рукой мне так махнул, иди, мол, сюда. А сам – опять за деревья и исчез. Я было напрягся, может, маньяк, думаю, или этот, как его... извращенец. Да вроде одет солидно, только прикольно так, будто в театре – в плаще, в шляпе. Подумал-подумал и решил: а фиг ли? Так я и попер туда, прямо в лес. Иду, короче, иду. И вот уже почти до особняка дошел. И вдруг опять – фигак! Снова стою на месте. Я – сигарету в зубы. Думаю, чего это я здесь застыл? А тут ворона рядом села и давай каркать. Я хотел в нее камнем запендюрить. А чего она раскаркалась, дура? Напугала, зараза! Нагибаюсь, шарю по земле и – фигак! – натыкаюсь на него. – Олег повертел в руке револьвер. – Вытащил, отряхнул. Гляжу – пестик, блин. От старых хозяев, что ли, остался?

– Вряд ли, – возразил Яша. – Скорее всего, он там с войны, с Великой Отечественной. Там наверняка какая-нибудь часть стояла или военный госпиталь. Я читал, что усадьбы использовали для таких целей, у них расположение всегда удачное.

– Какая разница, откуда он взялся! Главное – пестик настоящий! – встрял Слон. – А там еще есть?

– Откуда? – зевнул Олег. – Это тебе склад, что ли?

– Но этот же... – Слон, затаив дыхание, осторожно коснулся револьвера указательным пальцем, – там как-то оказался? Значит, должны быть еще.

– Ни фига это, Слон, не значит. Нет там больше ничего, понял?

– Как же так? – растерянно пробормотал Слон. – Должно быть, обязательно должно...

Прозвенел звонок, и Олег спрятал револьвер обратно в рюкзак.

– У нас сейчас что? – спросил он.

– Химия, – ответил Яша.

– О нет. На химию я сегодня не пойду, – заявил Олег, слезая с подоконника. – Привет Лапше!

Он небрежно махнул рукой и спустился на второй этаж, где, скорее всего, как он это обычно делал, нырнул в туалет, открыл окно и лихо спрыгнул вниз, на улицу.

Глеб подхватил свой портфель – он, в отличие от большинства, сумки и рюкзаки не признавал категорически – и помчался вслед за друзьями на урок. В класс он вбежал последним и едва успел добраться до своей парты, как в дверях появилась вечно чем-то недовольная Антонина Александровна Лапшина, учительница химии, естественно, за глаза именуемая «Лапшой», хотя внешне она была весьма далека от такого образа. Ей бы больше подошло что-нибудь вроде «пудинга» или даже «студня». Но это всё домыслы. Причины, по которым к человеку прилипает то или иное прозвище, порой совершенно неведомы. Тем не менее фамилии очень часто, если не сказать чаще всего, играют в этом вопросе решающую роль. Взять хотя бы Илью Пятакова или Яшу Цыпкина. То же самое произошло и с Лапшиной. Правда, следует отметить,

в отношении учителей чаще все же случается, что их просто называют по имени, без отчества, как, например, Оксану Филипповну за глаза все величают просто Оксаной. Но это скорее дань уважения, нежели простое пренебрежение. В то время как нелюбимых учителей неизменно награждают прозвищами, и зачастую не слишком благозвучными.

– Та-ак, – протянула Лапшина, – Семенов у нас, как всегда, опаздывает. Его звонок не касается.

Глеб молча стоял возле парты, даже не пытаясь оправдываться. Он знал, что это бесполезно. Глеб на уроки не опаздывал никогда, и даже такие незначительные заминки, как сегодня, случались с ним крайне редко. Но спорить с Лапшиной – себе дороже.

– Может, ты уже готов выйти к доске? – скривившись в некоем подобии улыбки, поинтересовалась Антонина Александровна и грузно опустилась на стул. – Не слышу. И каких только бездельников и лентяев не приходится учить! Садись. За поведение ставлю «неуд».

Глеб сел. Кровь ударила в лицо, ладони вспотели. Но он стиснул зубы и продолжал молчать.

– Правильно, – шепнул сидевший рядом Илья. – Не выступай, а то еще пару влепит.

Глеб и не собирался выступать, он просто пытался справиться с нахлынувшим негодованием. В конце концов ему это удалось. Постепенно мысли о вопиющей несправедливости уступили место совсем другим, более приятным думам. Тем, которые нередко одолевали его в последнее время, и тогда он забывал обо всем на свете и парил где-то высоко над землей, подстегиваемый неуемной фантазией и романтическим порывом.

Он был страшно влюбчив. Причем, влюбляясь, Глеб с головой бросался в омут охватившей его страсти, вызывая искреннее недоумение и сочувствие друзей. Но все, что с ним происходило раньше, не шло ни в какое сравнение с его нынешним чувством. Когда первого сентября он вошел в класс и увидел Лену Авдееву – она сразила его наповал. Глеб и раньше частенько заглядывался на эту бесспорно симпатичную девочку со светлыми волосами и большими серыми глазами. Но за лето с ней будто что-то произошло. Она не просто похорошела и расцвела, она обрела какую-то сказочную привлекательность.

Яша, верный друг, заметив, что с приятелем творится неладное, попытался отвлечь его. Когда наконец Глеб был в состоянии произносить что-то членораздельное, Яша, который уже обо всем догадался, тем не менее осторожно поинтересовался, что случилось, и тот, не раздумывая, ответил:

– Я влюбился!

– Ну-у! – протянул Яша. – Тоже мне новость!

– Нет, Цыпа, на этот раз, похоже, я втрескался капитально.

– Слушай, Батон, ты не горячись. Я понимаю, за лето девочки изменились, загорели и все такое. Но это же не повод сразу в них влюбляться.

– Повод, не повод... Ты меня уже забодал своими мудреными разговорами! А я вот взял и влюбился.

– Понятно, – вздохнул Яша.

– Да что тебе понятно? Если бы ты только мог это понять! Ведь она...

– Кто?

– Ага, так я тебе и сказал! Знаю я вас с Пятаком, ведь достанете потом. Нет уж, больше я тебе ничего не скажу.

– А это и не обязательно, – рассмеялся Яша. – Достаточно всего лишь проследить траекторию твоего обезумевшего взгляда, как становится ясно, что новой причиной умопомешательства Батона стала Ленка Авдеева. Угадал?

– Да иди ты со своей траекторией! – вспыхнул Глеб. – Сам ты обезумевший!

– Ладно тебе! Чего ты заводишься?

– Я не трактор, чтобы заводиться, понял? Отцепись и жми своей дорогой, пока я тебе по балде не надавал.

Яша нисколько не обиделся. Лишь покачал головой, вздохнул и оставил друга наедине со своими мыслями.

Тем временем чувство, всколыхнувшее Глеба и заставлявшее его трепетать не только при виде Лены, но и каждый раз, когда он думал о ней, неотступно росло в его сердце. К середине сентября он уже начал испытывать приступы отчаяния, обычно возникающие при отсутствии взаимности. Как подступиться к Лене, Глеб не знал. Он вообще не знал, как общаться с девчонками. За последние два года он влюблялся раз семь или восемь. Иногда это была всего лишь небольшая вспышка, легкое влечение, а иногда и довольно крепкое чувство, удерживающее Глеба в объятиях два-три месяца. И тогда он начинал мучиться, пытаясь придумать способ, как бы поведать избраннице о своих чувствах. Но, будучи страшно стеснительным, он так ни разу никому и не признался в любви. В особенности еще и потому, что никогда не сталкивался с взаимным чувством, которое, будь оно, наверняка подтолкнуло бы его на подобный решительный поступок. Хотя, возможно, эти чувства были недостаточно глубоки и потому недостойны, чтобы сразу кричать о них. Кто его знает? А пока Глеб лишь тихо вздыхал, жалуясь на свою несправедливую долю и мечтая о том, что когда-нибудь Лена все же обратит на него внимание и поймет, что он, в сущности, замечательный парень...

– Эй, Батон, ты так и будешь сидеть?

– А? Что? – Глеб вздрогнул и непонимающим взглядом уставился на Илью.

– «Что, что». Урок закончился. Ты домой собираешься?

– Собираюсь, – медленно, словно во сне, проговорил Глеб.

Он машинально сгреб в портфель учебник и тетрадь и, даже не взглянув на Лапшину, вышел из класса...

Гордостью Глеба была коллекция редких значков, небольшая, но очень ценная. Это были значки, которые нельзя купить в магазине или киоске, они выпускались по какому-нибудь особому случаю ограниченным тиражом. Друзья и знакомые отца знали об этом увлечении Глеба и время от времени приносили ему что-нибудь интересное. Постепенно Глеб собрал около сотни самых разнообразных значков, которые ровными рядами украшали прямоугольный кусок черного бархата, висевший на стене прямо над письменным столом. Особенно он дорожил одним – маленьким элегантным значком с изображением самолета. Глеб даже не помнил, каким образом он попал к нему. По большому счету в нем не было ничего особенного. Маленькая серебристая кругляшка с темно-синей окантовкой, а посередине нечто напоминающее авиалайнер. Но этот значок обладал какой-то сверхъестественной завораживающей силой. Почему-то из всего многообразия значков взгляд выхватывал именно его, он буквально притягивал к себе.

К тому времени пошла странная мода – носить значки. Мальчишки, а следом за ними и девчонки стали цеплять на грудь все, что попадалось под руку или удавалось достать. Конечно, самым важным было найти такой значок, какого не было ни у кого. Если вдруг встречались два одинаковых, разочарованию не было границ, а окружающие сразу начинали смеяться и подначивать, называя обладателей таких значков братьями или сестрами. Если одинаковые значки оказывались у мальчика и девочки, они, естественно, тут же становились женихом и невестой.

Глеб сразу почувствовал свое преимущество в этом процессе, однако он так трепетно относился к своей коллекции, что даже ни разу не позволил себе взять из нее хотя бы один значок, боясь ненароком поцарапать, а то и вовсе сломать или потерять драгоценный экземпляр. Поэтому он продолжал ходить без значка, в то время как некоторые ребята в классе уже стали увешивать грудь добрым десятком всяких железяк и пластмассок. Не носила значков и Лена

Авдеева. Она, по-видимому, считала это ничем не оправданным ребячеством, а может, просто не желала оказаться в неловкой ситуации и стать чьей-то «сестрой», а тем паче «невестой».

У Глеба в голове созрела блестящая идея. Хотя, конечно, блестящей она казалась только ему, друзья наверняка бы сочли ее бредовой и раскритиковали Глеба в пух и прах. А поскольку он даже не подумал ни с кем ею поделиться, то она так и оставалась блестящей – по крайней мере, для него самого. Глеб решил сделать Лене подарок. Только не прилюдно и даже не тет-а-тет, а тайком, незаметно, чтобы она даже не догадалась, от кого он. В противном случае Лена может отказаться, а Глеб этого очень боялся.

В среду утром, перед уходом в школу, он несколько минут внимательно смотрел на свою коллекцию и наконец отшпилил из середины тот самый значок с самолетом, которым дорожил больше всего. Маленькая кругляшка переливалась всеми цветами радуги, хотя при ближайшем рассмотрении казалась довольно скромным значком. Но Глеб был уверен, что Лене он понравится.

В классе Глеб сидел как раз за Леной. Шел урок алгебры. Учительница раздала листки с заданиями для самостоятельной работы и вернулась к своему столу. Глеб активно взялся за решение задач, ухватившись за эту возможность как за повод отсрочить исполнение задуманного, стараясь даже не думать о значке. Но через некоторое время он почувствовал, что значок, лежавший в кармане рубашки, будто обжигает ему грудь. Ни о какой самостоятельной работе уже и речи быть не могло. Он сидел и тупо смотрел на спину Лены, а внутри него желание совершить задуманный поступок боролось с целесообразностью. И все-таки желание победило. Бросив взгляд на сидевшего рядом за партой Илью, он наклонился, сделал вид, будто пытается что-то достать из валявшегося на полу портфеля, а сам незаметно опустил значок в слегка оттопыренный карман Лениного пиджака. От волнения у него стучало в висках, тряслись руки, и он даже чуть не промахнулся. Когда Глеб выпрямился, лицо у него было красное, а на лбу проступили капельки пота.

Илья подозрительно покосился на него и, вынув изо рта ручку, спросил:

– Ты чего, заболел?

– Нет, – прошептал Глеб, не желая привлекать внимание, – все нормально.

Он вытер лоб тыльной стороной ладони и уставился на свою тетрадь, в которой самостоятельная работа по алгебре была сделана только наполовину, а до конца урока оставалось всего десять минут. Но сейчас Глебу все было нипочем, он все-таки решился и теперь торжествовал.

На перемене Илья отвел Яшу в сторону.

– Слушай, с Батоном что-то странное происходит. На уроке под стол полез, как будто кому под юбку пытался заглянуть, а потом сидел весь красный, потный. Я все пытался определить, куда он зырил, но так и не понял. То ли он озабоченный какой-то, то ли заболел, я уж не знаю.

Яша положил руку на плечо друга и мрачно произнес:

– Не хотел тебя огорчать, но с нашим товарищем действительно приключилось несчастье – он влюбился.

– Как, опять?! – воскликнул Илья.

– Ну, почему же опять? Он считает, что раньше это были детские игрушки, а настоящая любовь пришла только теперь.

– Ага, повзрослел, что ли? И кто же она такая?

– Да ты сам у него спроси, – кивнул Яша в сторону Глеба, который, словно сомнамбула, медленно проплывал мимо.

– Эй, Батон, стой, – крикнул Илья, перегоротив Глебу дорогу. – Ты что, опять втрескался? В кого на этот раз?

– Тише ты, разорался! – шикнул Глеб. – Тебе-то зачем знать?

– Ну, ничего себе! – Илья всплеснул руками и с размаху хлопнул себя по ляжкам. – Почему это Цыпе можно знать, а мне нельзя? Тоже мне, друг называется.

– Ладно, ладно, не шуми, – примирительно сказал Глеб и после небольшой паузы прошептал. – Ленка. Авдеева.

– Авдеева?! – выпучил глаза Илья. – Но... – Он вопросительно поглядел на Яшу, потом снова на Глеба. – По-моему, ты и раньше по ней сох. Выходит дело, сейчас зацепило по самые уши?

Глеб молча кивнул. Хотя сказать, что он раньше сох по Лене Авдеевой, было бы преувеличением. Ну, так, нравилась немного, причем с перерывами. Помнится, в прошлом году проводились в школе соревнования по военно-спортивной подготовке. Во время очередного группового конкурса Лена случайно оказалась прямо рядом с Глебом, и руки их чудесным образом переплелись. Глеб смущенно убрал свою руку, а потом тысячу раз пожалел об этом. Особенно, в последнее время.

– А что ты там под столом делал на уроке? – поинтересовался Илья.

– Значок.

– В каком смысле «значок»?

– Я хотел подарить ей значок. Но не мог вот так, открыто. Понимаешь?

– И куда же ты ей хотел его пришить? – хмыкнул Илья.

– Дурак ты, Пятак. Я просто сунул его Ленке в карман.

– Зачем? – искренне удивился Илья.

– Чтобы она его там нашла.

– Вот чудак! Ну, найдет она этот значок, ну, нацепит, хотя вряд ли – она же вообще их не носит, это вон Глюк до пупа увешался. А Ленка... Но даже если такое чудо произойдет, тебе-то что с этого? Будешь втихаря балдеть, что Ленка таскает это дурацкий значок и даже не догадывается, откуда он у нее взялся?

– Никакой он не дурацкий, а самый что ни на есть клевый, – возразил Глеб. – Да, мне будет приятно, если она станет его носить.

– Елы-палы! – воскликнул Илья. – Цыпа, ну ты посмотри на него – он же самый натуральный извращенец! Большой на всю голову! Я думаю, ему уже пора лечиться.

– А мне по барабану, что ты думаешь, – огрызнулся Глеб.

– Все равно она не нацепит твой значок.

– Посмотрим.

Глава 2

На следующий день Лена явилась в школу с новым значком на лацкане пиджака. Это даже произвело маленький фурор. Глеб ликовал, его просто распирало от счастья, но признаться Лене в содеянном было выше его сил. Поэтому он, как и предрекал Илья, втихаря наслаждался тем, что его тайный дар принят с достоинством. Яша искренне радовался за друга, а Илья только пожимал плечами, качал головой и стучал пальцем по лбу.

Однако праздничное настроение Глеба было неожиданно прервано крайне неприятным событием. Олег Кукин в очередной раз стал отпрашиваться в туалет, сославшись на расстройство желудка. Оксана Филипповна не хотела его отпускать, но когда Олег пригрозил, что он за последствия не отвечает, и стал демонстративно стягивать штаны, учительница сдалась и позволила ему выйти.

А через пять минут раздался выстрел. Да такой громкий! Может, конечно, он просто показался громким, разорвав сосредоточенную тишину школы за десять минут до конца урока. Оксана Филипповна замерла и побледнела, предчувствуя что-то нехорошее. А Глеб сразу понял, что Олег решил-таки испытать свой дурацкий револьвер. Идиот! Он что, не мог дождаться конца уроков, пойти в лес и там стрелять сколько угодно? Почему этого Глюка вечно тянет на приключения именно в школе, во время занятий?

В коридоре послышались торопливые шаги. Оксана Филипповна приоткрыла дверь и тоже куда-то побежала. Один за другим ученики стали покидать класс, вливаясь в поначалу молчаливый, а потом все более и более шумный поток школьников, вырывающихся из классов и бегущих туда, откуда несколько минут назад прозвучал выстрел. Уроки были сорваны.

Когда Глеб добежал до мальчишеского туалета, там уже собралась огромная толпа. Плотным полукругом школьники обступили вход в туалетную комнату, откуда через мгновение вынырнул взлохмаченный физрук с безжизненным телом Олега на руках. Лицо у Глюка было бледное, глаза закрыты, а на желтой рубашке набухало ярко-алое пятно. Как потом выяснилось, он решил испробовать на прочность унитаза и выстрелил в него. Унитаз, конечно, разлетелся на куски, а пуля, видимо, рикошетом ударила в стену и, отскочив обратно, задела Олега.

Его увезли на «скорой», а учеников загнали в актовый зал. Некоторое время зал возбужденно гудел, живо обсуждая происшедшее. Подобного не случилось за всю историю школы. Да и в соседних школах ничего такого никогда не происходило. Кто-то вспомнил, будто много лет назад в каком-то училище тоже один ненормальный притащил пистолет и начал стрелять прямо на занятиях. Вроде бы даже были пострадавшие, но это было давно и толком неизвестно где, а потому не производило такого яркого впечатления, как нынешнее событие.

Спустя двадцать минут дверь с шумом распахнулась, и в актовый зал стремительной походкой вошла директриса Нелли Эдуардовна в сопровождении завуча и милиционера. Она поднялась на сцену и окинула притихший зал таким суровым взглядом, что все находившиеся там невольно замерли. Каждый боялся не только говорить, но и дышать. Причем это касалось и школьников, и учителей. Даже завуч, стоявшая слева от Нелли Эдуардовны, невольно попятилась, стараясь вжаться в сцену.

– Дожили! – прогремела директриса. – Мало вам того, что Максимов из восьмого «А» принес в школу нож и чуть не поранил одноклассника. Мало того, что Егоров... да-да, я тебя имею в виду. Встань, когда с тобой разговаривает директор! Мало того, что этот хулиган притащил слезоточивый газ и сорвал уроки во всей школе... Сядь на место, Егоров. Вы... – Нелли Эдуардовна сделала паузу, чувствовалось, что она прямо-таки кипит от негодования, – задумали принести в школу... огнестрельное оружие! Что, боевиков насмотрелись? На подвиги потянуло? Здесь вам не Америка! У нас тут не Дикий Запад, а цивилизованный Восток. Запомните это раз и навсегда! А если кто не пожелает запомнить, будем применять более действен-

ные меры, пока не вдолбим в ваши разбитные головы, что такое дисциплина и порядок. Где классный руководитель этого Кукина?

Оксана Филипповна робко привсталала.

– Ай-яй-яй! – продолжала Нелли Эдуардовна. – Ну как же так? Куда же мы катимся, я вас спрашиваю? А? А завтра что? Завтра кто-нибудь додумается принести в портфеле бомбу и взорвет всю школу, чтобы камня на камне не осталось! Вы этого добиваетесь? Этого? Не слышу!.. И ведь наверняка кто-то знал, что задумал этот су... этот Кукин. Знал, что у него есть оружие, и не удосужился никого об этом предупредить. А ведь можно было избежать трагедии, если бы нашелся хоть один сознательный... Кто знал, что у Кукина есть пистолет? Неужели никто? Или вы собираетесь покрывать этого мерзавца? Хорошо еще, он легко отделался...

Глеб заметил, как облегченно вздохнула Оксана Филипповна – значит, с Олегом Кукиным все в порядке.

– А если бы он убил себя или еще кого-нибудь? – продолжала Нелли Эдуардовна. – Кому за это отвечать? А? Нелли Эдуардовне? А с какой стати я должна отвечать за idiotские выходки этого лоботряса? У меня разве других забот нет? Безобразия! Но я с этим разберусь, уж поверьте. Я эти ваши поползновения буду пресекать на корню, уничтожать в зародыше, беспощадно и бескомпромиссно! В общем, так: с завтрашнего дня вводятся особые правила распорядка. В школу всем являться на полчаса раньше. При входе все сумки безоговорочно предъявлять к досмотру охране. Во время уроков отлучаться из класса категорически запрещено.

– Даже в туалет? – робко спросила какая-то девочка.

– Тем более в туалет! – рявкнула директриса. – Вы меня хорошо поняли? За отсутствие ученика во время урока в классе и сам ученик, и отпустивший его учитель будут строжайшим образом наказаны. Вам ясно, Оксана Филипповна?

– Да, Нелли Эдуардовна. Но... он ведь сказал, что очень хочет...

– А меня не волнует! Вот к чему приводят такие побрякушки. Лучше бы он прямо в классе обделался. А теперь что прикажете делать?

Оксана Филипповна потупила взор.

– У меня все, – подытожила директриса. – А сейчас с вами будет разговаривать начальник отделения милиции Григорий Пантелеймонович Дуров.

На сцену поднялся невысокого роста человек в форме полковника милиции. Встав по правую руку от Нелли Эдуардовны, он снял фуражку и пристально оглядел зал.

– Добрый день! – произнес он. – Хотя правильнее сказать, доброго в нем сегодня мало-вато. Да, товарищи, это ЧП. Причем чрезвычайное ЧП... в смысле, происшествие. Огнестрельное оружие – это уже не игрушка. Это, между прочим, уже противозаконщина, причем самая что ни на есть откровенная. И вы должны это знать. Незнание закона, товарищи, не освобождает, так сказать... Ваш товарищ нарушил закон уже тем, что без всякого на то разрешения присвоил и хранил огнестрельное оружие. Это, да будет вам известно, уже само по себе деяние строго наказуемое. А приносить огнестрельное оружие в места, так сказать, массового скопления людей и тем более использовать... Это уже, я вам скажу, из ряда вон... Это уже уголовщина в самом прямом ее проявлении. Уголовщина, с которой мы с вами обязаны бороться и, как правильно сказала Нелли Эдуардовна, пресекать, так сказать, на корню. А те из вас, кто знал о том, что у Кукина есть оружие, и не доложил, кому следует, теперь, стало быть, не кто иные, как соучастники, и должны отвечать по всей строгости закона... А закон у нас суровый и, между прочим, никому побрякушек не дает. Если, конечно, вы не откажетесь, так сказать, добровольно помочь органам милиции разобраться в этом досадном инциденте. Ну что, есть такие?

Зал дружно молчал.

– Что ж, я подожду, – продолжал милиционер. – Оружие Кукин где-то нашел. Это видно хотя бы по тому, что револьвер значительно поврежден. Он явно долго пролежал в земле. И

нам нужно знать, где Кукин нашел его. Вдруг там еще что-то осталось, и если кто-то его найдет, то инцидент может повториться, и с еще более печальными последствиями. А мы этого допустить не можем, не имеем права. Мы должны приложить все усилия, чтобы это больше не повторилось. Рано или поздно Кукин сам нам обо всем расскажет, ему все равно деваться некуда. Но мне хотелось бы услышать что-нибудь от вас. Здесь и сейчас.

Слон было попытался встать, но Глеб ущипнул его за ляжку. Полковник еще раз внимательно осмотрел зал, заглядывая, казалось, в глаза каждому сидевшему перед ним.

– Ну что ж, – сказал он, – похоже, об оружии никто не знал. Хорошо. Я вам поверю. Но если выяснится, что кто-то из вас все же соврал, пеняйте на себя.

Милиционер надел фуражку и, спустившись со сцены, быстрым шагом покинул зал. Директриса, помедлив немного, последовала за ним. На сцене осталась только завуч.

– А сейчас всем организованно покинуть школу. Уроков сегодня больше не будет. Тихо! Тихо! – попыталась она перекричать взорвавшийся овациями зал.

– Ты чего, Батон, дурак? – набросился Слон на Глеба, когда они вышли из школы. – Нас же заметут, как пить дать, заметут! Глюк очнется и расколется, всех нас выдаст с потрохами. И что мы тогда делать будем?

– Сам ты дурак! Тебе охота, чтобы тебя по допросам затаскали? Еще, чего доброго, на учет поставят. Тебе это надо? И, главное, ради чего? Чем мы реально можем помочь милиции?

– Но мы же видели пестик!

– «Видели», – передразнил Глеб. – Ты хотя бы знаешь, где Глюк его нашел?

– Где, где, в Узком. Он же сказал.

– То-то, сказал. А где конкретно в Узком? Ты место знаешь, показать сможешь? И вообще, он запросто мог набрехать про Узкое. Ты что, не знаешь его, что ли?

– Ну, набрехать, конечно, мог...

– Ладно, Слон, не бузи, – раздался позади голос Ильи. – Батон прав. Милиции мы ничем не поможем. Глюку – тем более. А себе только навредим. Так что нечего на свою задницу приключений искать. Самое разумное – прикинуться вениками и молчать в тряпочку. Раз уж так вышло, договариваемся: никто ничего не видел и не слышал.

– Поддерживаю, – согласился шагающий рядом Яша.

– Ну ладно, умники, – не унимался Слон, – а если Глюк расскажет ментам, что показывал нам свой пестик?

– Во-первых, ему нет резона об этом рассказывать, – возразил Глеб. – А во-вторых, если он и скажет, будем отнекиваться, мол, не знаем, не видели. Кому больше поверят?

– Черт с вами, уговорили, – успокоился Слон.

– Ну, вот и ладненько! – хлопнул его по плечу Илья. – Топай себе домой и ни о чем не беспокойся.

Слон вздохнул и, небрежно махнув рукой, повернул к своему дому. Некоторое время друзья шли молча.

– Может, зайдём ко мне? – предложил Илья.

– А у тебя найдется чего-нибудь пожевать? – с надеждой спросил Глеб. – Жрать охота, сил нет.

– Ну, я не знаю... Для тебя какой-нибудь сухарь отыщется.

– А для меня? – возмутился Яша.

– И для тебя, – вздохнул Илья.

Они нырнули в подъезд серой девятиэтажки и поднялись на восьмой этаж. Илья, как и Глеб, был единственным ребенком в семье и, несмотря на то, что жил с родителями в двухкомнатной квартире, являлся счастливым обладателем собственной, отдельной комнаты. Родители обитали в гостиной, которая одновременно служила им спальней. Но до вечера вся квартира

была в распоряжении Ильи. Однако в свою комнату он гостей пускать не любил, поскольку всячески старался поддерживать в ней идеальный порядок, который неминуемо нарушался, стоило Глебу и Яше там оказаться. В то же время в гостиной Глеб обычно начинал проявлять нездоровый интерес к довольно большой библиотеке, а Яша тут же включал телевизор. А поскольку к технике и книгам в семье Ильи было очень трепетное отношение, то подобные вольности были непозволительны, и единственным местом, где гости могли чувствовать себя более-менее свободно, оставалась кухня. Правда, дерзкие попытки забраться без спроса в холодильник или в шкаф также немедленно пресекались. Оставалось довольствоваться жиденьким чаем и черствыми горбушками из хлебницы. Но Глеб и Яша к этому уже привыкли и не рассчитывали на большее. Они и так понимали, насколько Илья позволяет себе расщедриться. Ведь никого, кроме них, он никогда в гости не приглашал.

– Ну, что будем делать? – спросил Илья, когда чай наконец был разлит по огромным кружкам и каждому гостю было вручено по небольшой горбушке белого хлеба.

– Как это «что делать»? – удивился Яша. – Мы же решили: ничего не видели, ничего не слышали. Значит, как ты сам выразился, прикидываемся вениками и молчим в тряпочку.

– А ты уверен, что не струхнешь, когда тебя потащат в милицию?

– Меня? Да за что?

– Слушай, Пятак, – вмешался Глеб, – мне кажется, ты зря паникуешь. Ну кому мы нужны? Какое милиции до нас дело? Сам подумай, ты же знаешь Глюка, его хоть пытай, он никогда никому ничего не расскажет. Я считаю, надо просто забыть об этой истории и спокойно заниматься своими делами.

– Боюсь, что спокойно мы теперь ничем не сможем заниматься. Ты видел, как Нелли взбеленилась? У нее аж пена изо рта летела. Я думал, она сожрет кого-нибудь.

– А у нас в пятницу запланирован выезд за город, в лес, – вспомнил Яша. – Теперь, наверное, отменят.

– Конечно, отменят, – подтвердил Пятак.

– Ну и что? – возразил Глеб. – Разве мы сами не можем в лес съездить?

– Смочь-то сможем, – ответил Яша, – да только не всем классом. Девчонки, например, точно не поедут. Их родители ни за что непустят, если узнают, что они собрались в лес без учителя.

– А зачем отпрашиваться-то? Нельзя просто так взять и поехать?

– Ты что, девчонок не знаешь? Одну непустят, другую непустят, так они родителям других позвонят и настучат.

– Да, – согласился Глеб, – об этом я как-то не подумал. Всем классом, наверно, не выйдет. Фигово!

Он вспомнил Лену Авдееву и вздохнул.

– А все-таки интересно, где Глюк револьвер нашел, – сказал после непродолжительной паузы Илья. – Может, смотаемся туда, поищем? Вдруг тоже что-нибудь найдем?

– Давайте! – поддержал идею Глеб.

– Только на этой неделе я точно не смогу, – поразмыслив немного, продолжал Илья.

– Я тоже, – вздохнул Яша. – Если только в выходные. А сейчас мне надо бежать, а то Катька родителям наябедничает, что я ее надолго одну бросил.

– Послушай, – сказал Глеб, – сколько твоей сестре лет? Двенадцать? Здоровая девка! Еще немного, и я на нее заглядываться начну. А ты все носишься с ней, как с младенцем.

– Вот когда начнешь заглядываться, – ответил Яша, – тогда я с удовольствием передам ее тебе на попечение, будешь сам с ней нянчиться. А пока я должен исполнять братский долг и ухаживать за ней, когда она болеет. Ладно, всем пока.

– Мне тоже надо идти, – сказал Глеб, нехотя поднимаясь из-за стола. – Спасибо за изысканное угощение. Если не возражаете, мы к вам как-нибудь еще заглянем. – Он картинно раскланялся.

– Иди! – толкнул его Илья. – Будешь мне тут выпендриваться, вообще больше ничего не получишь.

– Да ладно тебе! Я же пошутил.

Глеб и Яша спустились вниз, а Илья остался наводить порядок: мыть посуду и собирать крошки, рассыпанные нерадивыми гостями по всей кухне.

Стояла теплая погода, какая иногда бывает в конце сентября, когда лето еще не желает уступать свои права дождливой, прохладной осени. Автобус долго не подходил, и Глеб решил не ждать его. После дождя он ни за что бы не пошел пешком, Глеб знал, что тогда все брюки будут забрызганы сзади грязью до самой задницы. Бывает у людей такая походка от природы, что как ни старайся, а при ходьбе по лужам и даже просто по мокрой дороге неизменно поднимаешь целые фонтаны брызг. Уж чего только он не перепробовал: и медленно ходил, и быстро, и на цыпочках, и на пяточках. Результат был всегда один и тот же. Приходилось брать щетку и основательно драить штаны, а порой и пропаривать утюгом через влажную марлю.

А сейчас, по солнышку, почему бы и не прогуляться? Но не успел он отойти от остановки шагов на пятьдесят, как сзади раздалось характерное шипение открывающихся дверей.

«Вот так всегда!» – подумал Глеб.

Он все же попытался рискнуть: развернулся и, что есть духу, побежал обратно. Глеб был совершенно уверен, что водитель видит его, однако тот и не подумал дожидаться бегущего со всех ног школьника, а, проезжая мимо, злорадно улыбнулся и помахал рукой.

– Сволочь! – крикнул Глеб.

Ему захотелось запустить чем-нибудь вслед автобусу, он даже замахнулся единственным, что в эту минуту было у него в руках – портфелем с учебниками и тетрадами, – но вовремя опомнился. Пнул валявшуюся на тротуаре пустую алюминиевую банку из-под пива и сел на корточки, чтобы отдышаться. Взгляд его скользнул через дорогу, где высилось экстравагантное кирпичное здание палеонтологического музея.

Однажды прошлой весной они втроем – Илья, Яша и Глеб – ни с того ни с сего решили забраться в музей через окно. Нормальные люди посещают музей организованно и входят в него через дверь. Но это – нормальные. А как нормальные – не всегда интересно. Скорее, даже скучно, буднично как-то. То ли дело тайком, через окно. Это уже целое приключение.

Оказавшись внутри, они стали подниматься по лестнице. Подотставший Илья сдуру сунулся в какую-то дверь и до смерти напугал двух мирно работающих женщин – сотрудниц музея. При этом он сам так перепугался, что, по его же словам, чуть не обделался. Что есть духу Илья рванул обратно и едва не застрял в окне, пытаясь выбраться на улицу. А Глебу с Яшей ничего не оставалось, как побежать наверх по лестнице. Наткнувшись на небольшую металлическую дверь, Глеб не раздумывая отворил ее и с трудом удержался на ногах, когда Яша с разбегу налетел на него сзади. Они очутились под самым потолком высоченного главного зала музея. К противоположной стене тянулись широкие металлические швеллеры, к которым крепились огромные светильники. Едва дыша, Глеб осторожно ступил на швеллер, держась рукой за тонкий круглый поручень. Яша последовал за ним. Снизу доносились тревожные голоса, вещавшие о том, что в музей, по всей видимости, забрались грабители и необходимо срочно вызвать милицию. У ребят, конечно же, и в мыслях не было ничего воровать, они просто хотели поглазеть на динозавров, хотя и не совсем обычным способом, так что встреча с работниками милиции в их планы не входила.

Отчасти Глебу и Яше удалось увидеть чучело тираннозавра, но лишь краем глаза из-под потолка. Передвигаться на огромной высоте по швеллеру – занятие крайне опасное и требу-

ющее предельной концентрации. Он хоть и широкий, но оступиться с него ничего не стоит. Одно неосторожное движение, и последствия будут самые печальные.

Наконец, они достигли противоположного крыла здания, там тоже оказалась лестница. Спустившись вниз, ребята нашли незапертое окно и благополучно выбрались на улицу.

Илья дожидался их снаружи, нервно переминаясь с ноги на ногу и явно не зная, что делать: то ли удирать домой, то ли бежать спасать друзей, которые наверняка попали в лапы грозных музейных бабушек, а те, безусловно, уже позаботились о том, чтобы вызвать милицию. Правда, во втором случае Илья рисковал разделить печальную участь своих друзей, чего ему категорически не хотелось: страшно подумать, как отреагируют на это родители, особенно отец, да и с поступлением в колледж в дальнейшем могут возникнуть проблемы.

Когда Глеб и Яша неожиданно появились из-за угла, Илья набросился было на них с упреками, но те, в свою очередь, дали ему дружный отпор, обвинив его в необузданном любопытстве, которое поставило под угрозу все мероприятие. Илья сразу сник, а друзья как-то быстро остыли. Не спеша они отправились домой, потихоньку приходя в себя, а вскоре уже всюсю хохотали, делясь каждый своими, особенными, впечатлениями. В общем, закончилось все без эксцессов, но в целом приключение получилось интересное, и друзья еще долго вспоминали эту отчаянную вылазку...

Немного левее музея одиноко краснела небольшая арка – въезд в Узкое.

Глеб сразу вспомнил рассказ Олега, и какая-то сила внезапно подняла его и толкнула в сторону усадьбы. Он даже не заметил, как перешел через оживленную Профсоюзную улицу и остановился перед аркой. По асфальтированной дорожке, уходящей вглубь парка, прогуливались редкие прохожие. В выходной день людей здесь гораздо больше: гуляют с детьми, собаками. Но сейчас лишь две мамы с колясками брели где-то вдалеке да бабушка воевала с грозным внуком, то и дело норовившим съездить ей пластмассовой лопаткой по спине.

Глеб переминался с ноги на ногу, в уме прикидывая, где может находиться главное строение усадьбы – господский дом, большой особняк, который он как-то видел на картинке. Глеб жил в этих краях всю свою жизнь, но Узкое так и осталось для него неизведанным пятном на карте. Как ни странно, никто из ребят никогда не забредал сюда, будто вокруг усадьбы была расставлена невидимая преграда. Каким-то непонятным образом возраст тех, кто приходил сюда гулять, либо не превышал шести, либо зашкаливал за шестнадцать лет, то есть школьники не появлялись здесь никогда. Хотя может быть, все дело в том, что для подростков здесь не было ничего привлекательного – того, что они могли найти в других местах, в том же Тропарево, где каждую весну открывали сезон катания на лодках и купания в грязноватом пруду, несмотря на строжайший запрет некоторых родителей даже близко подходить к этому водоему.

Глеб стоял перед аркой, словно перед входом в другой мир, в совершенно иную реальность и никак не решался пересечь невидимую, но весьма ощутимую границу. Резкий гудок за спиной вывел его из оцепенения. Он оглянулся и увидел длинный черный автомобиль с абсолютно непроницаемыми темными стеклами. Глеб посторонился, пропуская машину. Шурша шинами, роскошный автомобиль медленно вкатил на территорию усадьбы. Глеб провожал его восхищенным взглядом. Внезапно заднее окно приоткрылось, и за ним мелькнуло пугающее своей бледностью лицо. Глебу на мгновение показалось, что этот человек смотрит прямо на него, хотя глаза незнакомца скрывались за черными стеклами очков. С другой стороны, больше здесь смотреть было не на кого.

– Чур меня! – вырвалось у Глеба.

Однако в то же время он почувствовал, что невидимый барьер, который словно бы не пропускал Глеба на территорию усадьбы, куда-то исчез, и ноги сами понесли его вниз по дороге вслед за исчезающим вдали черным лимузином.

Через некоторое время он вышел к великолепному пруду. Веселые птахи перебрасывались незатейливыми трелями, которые то и дело прерывал резкий порыв ветра, поднимая

рябь на поверхности пруда и раскачивая примыкающие к пруду деревья. Высокие березы нехотя поскрипывали столетними стволами и пощелкивали ветвями переплетающихся крон. Две уточки не спеша скользили по воде, время от времени встряхиваясь и распушая пегие перышки плоским клювом. Глеб как замороженный смотрел на черную поверхность пруда и не мог оторвать взгляд от этого чуда природы, настолько притягивающего и настолько далекого от привычного мира современного мегаполиса.

Наконец Глеб опомнился и взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти четыре, надо было торопиться.

Какое-то время Глеб совершенно бесцельно бродил по дорожкам, тропинкам, несколько раз пересекая главную аллею, пока наконец не наткнулся на храм Казанской Божьей Матери. Обнесенный невысоким забором, он выделялся своей ослепительной белизной на фоне пожелтевших деревьев. Солнечный свет, отраженный от куполов, резал глаза, заставляя щуриться. Глеб вспомнил, что отец рассказывал ему об этом храме. Когда-то он был совершенно заброшен, являя собой печальное зрелище, и отец с друзьями частенько залезали туда, распугивая гнездившихся под куполом голубей. Странное дело, а ведь Глебу даже никогда не приходило в голову, что в те времена, всего какую-то четверть века назад, шумные компании школьников были чуть ли не завсегдатаями Узкого: играли в похожем на лес парке, гоняли на велосипедах, купались в пруду, даже рыбу удили. Что же изменилось с тех пор? Почему Узкое превратилось в запретную зону для подростков?

Особняк располагался прямо по соседству с храмом. Вокруг не было ни души. Глеб поднялся по заросшим травой щербатым ступеням, подошел к парадному входу и заглянул за колонны. Никого. Повсюду царил мертвая тишина, деревья перестали шуметь еще не успевшими опасть листьями, и даже птицы, щебет которых сопровождал Глеба всю дорогу, разом смолкли. Он прильнул к высокому окну: за пыльным стеклом с трудом угадывались смутные очертания каких-то нагромождений, по всей видимости мебели, укутанной в бывшие когда-то белыми чехлы.

Потоптавшись немного, юный исследователь вернулся к балюстраде и от нечего делать слегка пнул фигурный столбик перил. Большой кусок штукатурки с шумом упал на каменную плиту и рассыпался в пыль. Вздвогнув от неожиданности, Глеб отскочил в сторону и машинально огляделся, не заметил ли кто его выходки. Убедившись, что вокруг по-прежнему никого, он обошел дом кругом, заглянул в летнюю веранду и, не найдя там ничего интересного, направился к видневшейся неподалеку скамейке. Глеб не совсем понимал, что он тут делает, в этом царстве безмолвной разрухи. Зачем его понесло сюда, вместо того чтобы спокойно пойти домой и заняться уроками?

Он уселся на скамейку и стал носком ботинка ковырять гравий. Мысли его опять обратились к Лене, Глеб невольно улыбался, вспоминая значок на ее груди.

– Вы что-нибудь ищите здесь, молодой человек? – раздался совсем рядом слегка хрипловатый мужской голос.

Глеб вздрогнул и обернулся. Рядом с ним на скамейке сидел... черный человек из лимузина. Бледное лицо с тонкими черными усиками, черные непроницаемые очки. На голове – старомодная черная шляпа. Одет в строгий черный плащ, под которым угадывался то ли фрак, то ли смокинг, тоже, естественно, черный, на фоне которого воротник белой рубашки казался еще белее.

– А... вы кто? – растерянно пробормотал Глеб.

– О, молодой человек хочет познакомиться? Что ж, весьма лестно! Но, боюсь, имени своего я вам назвать не могу, да и ни к чему оно вам. А посему, прошу вас, называйте меня так, как вы уже изволили прозвать – «Черный человек».

Глеб опять вздрогнул.

– Не пугайтесь, – продолжал Черный человек. – Вы наверняка думаете: «Как этот странный субъект догадался, что я про себя назвал его Черным человеком?» Поверьте, тут нет никакого волшебства. И необычайное свойство человеческого мозга читать чужие мысли, иначе именуемое, как вы наверняка знаете, телепатией, здесь тоже ни при чем. Нет! Все очень просто! Я и есть Черный человек, и называть меня по-другому, скажем, зеленым человеком, вряд ли кому-то придет в голову. Итак, вы носком своего ботинка расковыряли здесь приличную яму. Отсюда – мой законный вопрос: вы что-нибудь ищете?

– Нет, – ответил Глеб, совсем уже опешив. – То есть, да. Но я не знаю, что.

– Прекрасно! – улыбнулся Черный человек. – Крайне распространенное среди молодых людей, особенно вашего возраста, занятие – искать то, не знаю что. По всей видимости, это очень увлекательно, ведь неизвестно ничего: ни причина, ни следствие, ни основа, ни результат. Таким образом, случайная находка оборачивается неожиданным сюрпризом. Правда, не всегда приятным, а скорее даже наоборот. И после этого сразу возникает множество вопросов, а порой и разочарований, ибо каждый ждет какого-то неизвестного чуда, а вместо этого получает очередную душевную травму. Да, искать то, не знаю что – занятие рискованное и зачастую совершенно неблагодарное. Хотя, признаюсь вам, я тоже это ищу. В этом во многом и заключаются мои, так сказать, профессиональные обязанности. Конечно же, я имею представление о том, что является объектом моих поисков, но, к сожалению, делиться своими соображениями насчет этого ни с кем права не имею. А найти эту вещицу я обязан во что бы то ни стало, но без вашей помощи, боюсь, у меня ничего не получится.

– Как это? – не понял Глеб.

– Видите ли, только такое юное создание как вы, да еще терзаемое высокими чувствами, может найти то, не знаю что. Вы уже достаточно повзрослели, чтобы принимать серьезные решения, но вы еще достаточно юны, чтобы понимать их истинную серьезность. А я, увы, слишком стар и понимаю серьезность всякого решения, именно поэтому мне так трудно его принять. Это вам понятно?

– Не совсем, – признался Глеб. – Да и не старый вы никакой, вам всего-то лет пятьдесят, наверно.

– Оставим в покое мой возраст, молодой человек. Скажу вам только одно: вещица, которую я ищу, была утеряна здесь пятнадцать лет назад. – Он окинул Глеба оценивающим взглядом. – Незадолго до вашего рождения. С тех пор я тщетно пытаюсь отыскать ее. Проблема заключается в том, что лично мне в руки она ни за что не дастся, она ведь от меня же и прячется.

– Простите? – переспросил Глеб. – Она, эта вещь, живая, что ли?

– Нет, конечно, – улыбнулся краешками губ Черный человек. – Но ведь и у вещей может быть душа. Мы часто называем предметы неодушевленными, даже не предполагая, как глубоко заблуждаемся. Так и с этой вещицей. Если она вдруг вам попадется, а я в этом нисколько не сомневаюсь, не сочтите за труд, отдайте ее мне. Право, вам она ни к чему, а мне надо вернуть ее на законное место.

– А что за вещица? – с надеждой спросил Глеб. – Револьвер?

– Почему револьвер? – искренне удивился Черный человек.

– Один мой одноклассник нашел где-то здесь старый револьвер.

– А, это тот самонадеянный юноша, который по неосторожности сам себя ранил?

– Откуда вы знаете? Вы что, из милиции?

– Нет, я не из милиции и к сыскной службе никакого отношения не имею. Просто знать все обо всех – это тоже, так сказать, часть моих обязанностей. А что касается оружия... Да, в этой земле его покоится немало. Много войн и сражений прокатилось по этим местам... Но предмет, о котором я упомянул, – не револьвер, хотя сила его куда более разрушительна...

Даже представить себе трудно, какой колоссальный ущерб может он нанести. Ну да ладно. Главное, пообещайте отдать его мне.

– Вы, извините, все какими-то загадками говорите. Я ничего не понимаю. Какой-то таинственный предмет. Ну, допустим, найду я его, хотя я так и не понял, что должен найти. Но где мне вас-то потом искать?

– Не беспокойтесь, меня не надо искать. Просто приходите на эту скамейку. Я вас буду ждать прямо здесь. Только обязательно приходите. А сейчас позвольте откланяться.

Черный человек встал, приподнял шляпу и, резко повернувшись на каблуках, зашагал прочь.

– Бред какой-то! – пробурчал Глеб, уставившись на раскопанную им ямку. – Но что я все-таки должен... – Он поднял взгляд, но Черного человека нигде не было. – Чертовщина! – вздохнул Глеб и в очередной раз с силой ковырнул носком ботинка рыхлую землю.

Внезапно на дне лунки что-то блеснуло. Глеб даже вздрогнул от неожиданности. Он схватил валявшуюся поблизости ветку и, сев на корточки, стал осторожно ковырять землю вокруг странного блестящего предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.